Петра с Максимом и о подаренной им иконе: «Тогда убо и прилучися и святителю оному Максиму, иже во она лета престол всеа Рускыа земля украшаше, и приходити землю ону, поучаа люди божиа по преданому уставу. Прииде же и божии человекь Петр со своею братиею благословениа от святителя приати и образ пречистыа нашеа Богородица, иже бе сам написал, принесе ему. Святитель же божии Максимь оного убо со всею братиею благослови, образ же пречистыа с великою радостию приемь, и златомь и камениемь украсив, и у себе держаше, во дни и в нощи моляшеся ей непрестанно о сохранении и о соблюдении Рускыа земля даже до своего живота».

В данном случае добавления и распространения Киприана отнюдь не носят характера литературного украшательства, а уточняют факты, делают ход рассказа более ясным и логичным. Замечая о состоянии Волынской земли в свое время, Киприан как бы дает понять читателю, что он хорошо знаком с Волынью, т. е. с теми местами, откуда происходил Петр. Заслуживает внимания последняя фраза из приведенной выше цитаты: «моляшеся... о сохранении и о соблюдении Рускыа земля», которой в первоначальном житии соответствует — «молящеся ей (иконе, — *Л. Д.*), прося милости миру». Из этих слов мы можем сделать вывод, что Киприан стремился в своем «Житии» усилить его местную, московскую направленность.

Далее в обоих житиях сообщается о смерти Максима и о притязаниях на митрополичий стол Геронтия. Каприан в своем «Житии» по сравнению с первоначальным в этом эпизоде вставляет слова о том, что всякий «дар совершен свыше есть, сходя от бога отца светом», говорит, что Геронтию, видимо, были неизвестны слова писания, — «Ни хотящему, ни текущему, но милующому богу», — если он дерзнул самовольно претендовать на митрополичий стол. В первоначальном житии только сообщается, что Геронтий и Петр одновременно пошли в Царьград; никаких объяснений, почему Петр тоже решил идти в Царьград, здесь нет. Каприан же подробно рассказывает об обстоятельствах, побудивших Петра предпринять это путешествие после смерти Максима. Дерзкие притязания Геронтия на русскую митрополию стали известны «по всей земли руской», слух о них дошел «даже и до Велыни». Тогда «князь же Велынскыа земля совещеваеть совет не благ: восхоте Галичьскоа епископьи в митрополью претворити». Хотя, согласно рассказу самого же Киприана, поставление Петра в митрополиты произошло благодаря стараниям волынского князя, тем не менее Киприан осуждает князя за то, что он хотел раздробить русскую митрополию. Волынский князь начинает уговаривать Петра отправиться в Царьград для поставления в русские митрополиты. Петр долго не соглашается, так что приходится уговаривать его и самому князю, и боярам, и советникам князя. Наконец, «воспоминая пророка, глаголюща: „священници твои облекутся правдою, и преподобнии твои радостию возрадуются“, и пакы: „Ты еси иерей во векы, по чину Мелхиседекову. Господь одесную тебе, сокрушаа брани“», он решается идти в Царьград. Получается, что в конце концов на Петра подействовали не длительные и настойчивые уговоры князя и его бояр, а внутренняя убежденность Петра в своем призвании быть священноначальником. Киприан во всем рассказе имеет в виду не только те исторические факты, о которых он пишет, но и не в меньшей, если не в большей степени обстоятельства собственной жизни.[93] Сама ситуация в данном случае очень сходна с историей поставле-

[93] Эту характерную особенность киприановского жития Петра отметил уже В. О. Ключевский: «Святитель (Петр, — *Л. Д.*), которого вся Русь призывала в молитвах, прошел через те же смуты русской церковной жизни, от которых нравственно и